

УДК 811 : (161.1 + 512.3)
DOI: 10.17223/19986645/39/7

М.Г. Шкуропацкая, Даваа Ундармаа

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье представлены результаты сопоставительного изучения фрагментов двух языковых картин мира, в которых отражаются два разных национальных образа мира. В данном случае национальный язык является «зеркалом», в котором отражаются единый инвариант бытия этноса и конкретные черты национально-специфической проекции этого инварианта бытия. Поставленная цель достигается путем анкетирования носителей русского и монгольского языков с последующим описанием полученного языкового материала – ассоциативных полей и обыденных толкований слов тематической группы «домашние животные».

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, языковое сознание, русская языковая личность, монгольская языковая личность, тематическая группа «домашние животные», лингвистический эксперимент.

В своем исследовании мы пытаемся ответить на следующие вопросы: какое содержание ассоциируется у рядовых носителей русского и монгольского языков со словами, обозначающими домашних животных, и в чем заключается сходство и различие в интерпретации значений этих слов носителями двух разных языков. Ключевым для нас является понятие национальной языковой картины мира (далее – ЯКМ), которая в данном случае рассматривается как лингвоментальный компонент национального языкового сознания. Анализу подвергается результирующая детерминация «ЯКМ – текст». При этом ЯКМ как упорядоченная система реконструируется в направлении «от текста к системе». В исследовании ставится цель реконструировать фрагмент национальной языковой картины мира в качестве лингвоментального компонента языкового сознания русской и монгольской языковой личности. В выбранном аспекте изучения ЯКМ наиболее близким нам является понятие национальной языковой картины мира, которое предлагается О.А. Корниловым, определяющим ее как «результат отражения объективного мира обыденным языковым сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса» [1. С. 112]. Эта категория фиксирует коллективный опыт всего языкового сообщества. При этом каждый отдельный представитель данного сообщества владеет лишь частью коллективного национального опыта. Если согласиться с мнением И.А. Бодуэна де Куртенэ в том, что «язык... национальный является... обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков» [2. С. 71], то любую национальную ЯКМ следует рассматривать как обобщение всех индивидуальных национальных языковых картин мира, всех членов этноса, живших на протяжении всей его истории. Первоначальное же образование индивидуальной национальной языковой картины мира происходит автоматически в процессе овладения в

детстве национальным языком. «В семантике слов откладывается множество признаков, которые регистрируют все добытые этносом знания о соответствующих объектах. Передача этого знания каждому новому члену этноса производится в ходе... научения формирующейся языковой личности правильному пониманию и употреблению единиц и категорий родного языка... Иначе говоря, в процессе усвоения родного языка происходит как бы подключение языковой личности к ментально-лингвальному комплексу этноса» [3. С. 48–49].

Характерные признаки ЯКМ отчетливо проявляются на фоне научной картины мира. Каждая из картин мира формируется соответствующими понятиями: научные понятия задают научную картину мира и ее разновидности, обыденные (или бытовые) понятия формируют наивную, или обыденную, картину мира. Национальный язык закрепляет представления и знания из разных областей, поэтому национальная ЯКМ с неизбежностью включает элементы всех картин мира и находит языковые формы выражения как для научных, так и для обыденных понятий. При этом центральное место в национальной ЯКМ занимают именно бытовые представления, которые основываются на повседневном коммуникативном опыте носителей языка. Уместным представляется следующее высказывание: «...существенной остается функциональная разница между двумя типами картины мира – научной и наивной: сколько бы ни вбирала в себя последняя элементы научного знания, ее задача заключается в том, чтобы служить своего рода базой данных и базой знаний, без которых невозможно принятие любых повседневных решений. Иначе говоря, наивная картина мира складывается как ответ на, главным образом, практические потребности человека – как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру [4. С. 78]. Таким образом, обыденные (наивные) понятия закладывают основу национальной ЯКМ. Ученые обращают внимание на познавательную роль национальной ЯКМ. Имеется в виду не научное познание, а языковое, первичное, наивное. Овладевая языком, ребенок не познает мир научно, концептуально, а познает его на языковом уровне, то есть на том уровне, на котором в донаучный период происходило формирование наивного представления о мире. Освоив язык, он получает целостное наивное представление о мире, которое присуще всем носителям именно этого языка. Л.В. Щерба писал о том, что несмотря на ограниченный объем информации, составляющей семантику языка, она играет исключительно важную роль в овладении всем информационным богатством человечества» [5]. Наивные значения слов – все эти неточные и неглубокие «обывательские», как о них писал Л.В. Щерба, представления о клеточках действительности, – запечатлели первый и потому во многом жизненно важный опыт освоения человеком окружающей действительности.

Поскольку наивные понятия зависят от коммуникативного опыта конкретного индивида, они вариативны. Однако поскольку опыт конкретного индивида осуществляется в рамках национального сообщества, эта вариативность, с одной стороны, должна ограничиваться рамками этого сообщества, а с другой – определяться ими. Из этого следует, что в обыденной семантике, сформированной в повседневном коммуникативном опыте, отражается мо-

дель языкового сознания человека – носителя той или иной национальной культуры.

Обратимся теперь к понятию коллективного этнического сознания, в котором под воздействием определенных факторов внешней среды формируется национальная ЯКМ. Обыденное языковое сознание представляется сложно организованным. Лингвисты выделяют в нем как минимум четыре компонента: сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный компоненты. Преломившись сквозь «границы» языкового сознания, мир трансформируется в отраженную реальность, запечатленную в матрицах национального языка. Выделение в структуре обыденного сознания отдельных компонентов очень продуктивно с точки зрения дифференцированного подхода к чисто лингвистическим фактам, отражающим национальную специфику мироосмысления и мирооценки. Кроме того, компоненты обыденного сознания оказываются связанными с различными зонами языковой картины мира, структура языкового сознания определяет структуру порождаемой им проекции мира. В построении национальной языковой картины мира участвуют все компоненты языкового сознания: объект внеязыкового пространственно-временного континуума (термин О.А. Корнилова) воспринимается органами чувств (либо видится, либо слышится, либо ощущается), логически осмысливается (вычленяется из континуума в качестве денотата, подлежащего лексикализации, устанавливаются всевозможные логические связи этого объекта с другими, происходит его категоризация, т.е. отнесение к определенному классу объектов), затем объект получает первичную эмоциональную оценку и вторичную, более глубокую – ценностную.

Моделирование образов языкового сознания носителей двух языков, получивших отражение в национальных языковых ЯКМ, в нашем исследовании осуществляется через описание реального психологического значения слова (термин И.А. Стернина), противопоставленного его нормативному значению, зафиксированному в толковых словарях. Под психологически реальным значением понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые... актуализируются у изолированно взятого слова в сознании носителей языка... более или менее ярких, ядерных и периферийных» [6. С. 487]. Психологически реальное значение теоретически может быть выявлено и описано в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что на самом деле маловероятно технически). Оно также может быть выявлено экспериментальным путем, или анкетированием носителей языка. Как отмечают исследователи, «коммуникативная память организована очень сложно, она вбирает в себя бесконечный опыт социума и индивида. Один из важнейших путей познания такого опыта – включить носителя языка в метаязыковую рефлексивную деятельность» [7. С. 55]. Важно отметить, что в настоящее время уже ведется активная разработка словарей описательного типа, отражающих психологическую реальность значения слова: в Воронежском университете под руководством И.А. Стернина [8, 9] и в Кемеровском государственном университете под руководством Н.Д. Голева [10, 11, 12]. Например, Словарь обыденных толкований русских слов (СОТРС) обобщает результаты массового эксперимента с языковым сознанием рядовых носителей русского языка. Кроме того, появи-

лись словари, выполненные в сопоставительном аспекте. Речь идет о Славянском ассоциативном словаре [13], который дает представление о языковой картине мира четырех славянских народов, отражающей черты их национального характера, и об Алтайско-русском ассоциативном словаре Т.А. Голиковой [14], в котором представлены ассоциации слов двух этносов, проживающих на одной территории в ситуации билингвизма. Также опубликован проспект создания разноязычного словаря нового типа, в котором лексикографом выступает рядовой пользователь языка и показаны универсальные и национально-специфические характеристики бионимов, обусловленные национальной языковой картиной мира носителей сопоставляемых языков [15]. Наша работа вписывается в контекст данных исследований.

Психологически реальное значение слова в сознании рядовых носителей языка может быть репрезентировано в разных формах, что зависит от ситуации, контекста, типов сознания, уровней подготовки субъекта. Такими формами для каждого конкретного слова могут быть представления и понятия, нормативное значение и концепт, дефиниция и ассоциация, при этом содержание слова может быть репрезентировано с разной степенью полноты и точности. Все перечисленные формы, каждая в отдельности или все вместе, создают определенный облик значения слова, такой, каким он может быть представлен в сознании человека, обычного носителя языка. В данной статье получил отражение опыт изучения ассоциаций и метатекстов, полученных в результате толкования значения слова носителями русского и монгольского языков. В данном случае термин «толкование» трактуется нами как «интерпретационная процедура по отношению к слову в рамках наивного или профессионального лексикографирования» [10. С. 159], в результате которой появляется метатекст. В психологии под ассоциацией обычно понимается возникающая в опыте индивида закономерная связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т.п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление другого. Под словесной ассоциацией мы понимаем форму репрезентации лексического значения слова, представляющую собой спонтанную словесную реакцию на слово-стимул. По мнению ученых, ассоциативный эксперимент позволяет зафиксировать восприятие и оценку мира в определенный исторический момент «языкового минаритета», т.е. некоего безликого большинства членов общества, складывающегося из единичных сознаний конкретных языковых личностей [16. С. 779]. То, что называется «языковым минаритетом», может быть также охарактеризовано как «средняя языковая личность». В материалах нашего исследования зафиксирован коммуникативный и гносеологический опыт именно «усредненного» носителя русского и монгольского языков, сформировавшийся в повседневном обиходно-бытовом общении в границах своего этноса.

Подобно тому как в национальной культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка получают отражение как общие, интернациональные компоненты культур, так и компоненты, отражающие культурное своеобразие конкретного народа. Универсальный семантический компонент обуславливается единством видения мира людьми разных культур, и это принципиальное единство проявляется на раз-

ных уровнях семантической организации языка, в том числе и на лексическом уровне. Так, межкультурная общность двух этносов – монгольского и русского – обуславливает антропоморфную универсальность наивной картины мира, которая запечатлевается в двух национальных языках – монгольском и русском. Эта общность проявляется в совпадении ассоциаций и обыденных толкований, которые мы получили при анкетировании носителей монгольского и русского языков. Например, в ассоциативных полях слов *кошка* и *муур* содержатся ассоциации, характеризующие животное по характерному признаку, характерному врожденному или приобретенному свойству, по исконной или приобретенной функции, по месту обитания животного или особенностям его содержания. Отметим, что в данном случае основным типом семантики является денотативный тип, при котором реализуется установка на описание самого предмета.

Культурные различия между языками также заметнее всего в лексике. В различных культурах даже одни и те же явления в чем-то своеобразны. Например, слово *кошка* может вызывать разный круг представлений, что в лингвострановедении называется лексическим фоном [14. С. 70–74]. Лексический фон – явление пограничное между языком и культурой. Расхождения в лексическом фоне сказываются в лексических и синтаксических связях слов и могут вызвать трудности как в общении, так и при обучении языку. Так, *кошка* для носителей русского языка – домашнее животное, которое «ловит крыс и мышей», «пушистое и ласковое», «имеет острый нюх и умеет видеть в темноте», «любит рыбу, но боится воды и собак», «свободолюбивое», а для носителей монгольского языка – это домашнее животное «с длинными когтями и большими зелеными глазами», «со злым умыслом» (в качестве иллюстрации приведены примеры обыденных толкований, полученных в направленном эксперименте с носителями русского и монгольского языков).

Различия в культурах могут сказаться в том, что в разных языках слова, совпадающие по денотату (с одинаковой предметной отнесенностью), могут различаться коннотативной семантикой (эмоциональными и оценочными оттенками). Например, в обыденных толкованиях слова *кошка* носителями русского языка встречаются такие оценочные характеристики животного, как «ласковая», «дарящая тепло и ласку», «домашний питомец», «пушистый комочек», «любимое домашнее животное», а в обыденных толкованиях слова *муур* («кошка»), полученных от носителей монгольского языка, содержатся следующие эмоционально-оценочные характеристики: «отвратительная», «с плохой энергетикой», «жестокая», «ужасная», «ненадежный друг», «хитрая», «жадная к еде».

В настоящей работе сопоставляются ассоциативные поля слов, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, и наивные толкования этих же слов, также полученные в эксперименте, в котором носителей языка просят объяснить значение слова. Таким образом, структура значения рассматривается с двух точек зрения. Состав испытуемых: в лингвистическом эксперименте приняли участие 100 испытуемых – преимущественно студенты ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина» и Бийского технологического института (филиал ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный политехнический университет

им. И.И. Ползунова»), а также 100 испытуемых – преимущественно студенты Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) и около 20 сельских жителей Ховдского аймака (Монголия). Эмпирическую базу исследования составили 2000 ответов носителей русского языка на десять слов-стимулов русского языка (*верблюд, коза, корова, кошка, кролик, лошадь, овца, свинья, собака, yak*) и 2000 ответов носителей монгольского языка на десять слов-стимулов монгольского языка, которые являются эквивалентами слов русского языка (*тэмээ, хонь, нохой, үнээ, ямаа, муур, морь, гахай, туулай, сарлаг*). Полученный материал был подвергнут семной интерпретации и полевому анализу полученных сем. Далее в качестве иллюстрации будет приведен фрагмент анализа двух слов *корова* и *үнээ* («корова»), обозначающих домашнее животное, играющее важную роль в хозяйстве как монголов, так и русских.

Экспериментальные данные представлены в табл. 1 и 2. Числовой индекс рядом с ассоциацией или с субъективной дефиницией в таблицах и далее по тексту обозначает их частотность в экспериментальном материале. При синтаксической синонимии реакции объединяются и в скобках пишется вариант, например: дает (дающее) молоко. Курсивом в реакциях выделены слова, части слова или сочетания слов, которые являются ключевыми для данного значения метатекста. В таблицах сохраняются слитные написания, сделанные участниками эксперимента.

Рассмотрим вначале обыденные толкования и ассоциации на слово *корова*, полученные путем анкетирования от носителей русского языка (табл. 1).

Таблица 1. Обыденное толкование и ассоциации на слово «корова» носителями русского языка

Метатексты, сгруппированные по содержанию	Ассоциации
1	2
1.1 домашнее животное 53; скотина 2; скот 9; всего – 64	–
1.2 дающее (которое дает; оно дает) <i>молоко</i> 15; дает <i>молоко</i> 17; молоко 6; дает (дающее) <i>молоко</i> , мясо 6; домашнее животное, которое приносит людям <i>молоко</i> , и из молока делают сыр, творог и т.д. 1; домашнее животное, производит выработку <i>молока</i> 1; животное которое выращивается людьми для получения <i>молока</i> и мяса 1; животное, которое держат для <i>молока</i> 1; животное из семейства парнокопытных, разводится в сельском хозяйстве с целью получения <i>молока</i> и мяса 2; источник <i>молока</i> и мяса 1; <i>молокодающее</i> 1; всего – 52	молоко 64; животное (крупная), дающее <i>молоко</i> 1; всего – 65
1.3 <i>домашнее</i> животное 33; дом 1; одомашненное 2; всего – 36	–
1.4 дает (дающее) молоко, <i>мясо</i> 7; говядина 2; животное, которое выращивается людьми для получения молока и <i>мяса</i> 1; животное из семейства парнокопытных, разводится в сельском хозяйстве с целью получения молока и <i>мяса</i> 2; источник молока и <i>мяса</i> 1; мясо 2; всего – 15	–
1.5 <i>крупный</i> рогатый (<i>крупнорогатый</i>) скот (<i>крупнорогатое</i> животное; <i>крупно</i> рогатое животное) 9; <i>большое</i> животное с четырьмя ногами по углам 1; <i>больших размеров</i> с рогами, различной окраски 1; всего – 11	животное (<i>крупная</i>), дающее молоко 1; <i>большая</i> 1; <i>крупный</i> рогатый скот 1; всего – 3
1.6 (животное) парнокопытное 11	–
1.7 животное, выращиваемое для <i>сельск. хозяйства</i> 1; животное из семейства парнокопытных, разводится в <i>сельском хозяйстве</i> с целью получения молока и мяса 1; <i>сельскохозяйственное</i> животное 1; <i>с/х</i> животное 1; всего – 4	–

Продолжение табл. 1

1	2
1.8 больших разм с рогами, различной окраски 1; с рогами 2; рога 1; всего – 4	рога 5; рогатая 1; всего – 6
1.9 животное, которое дает молоко и пасется на лугу 1; животное, которое ест траву 1; пасётся на лугу 1; всего – 3	луг 1; пастбище 1; всего – 2
1.10 кормилица 3;	кормилица 2
1.11 домашнее животное, которое приносит людям молоко, и из молока делают сыр, творог и т.д. 1; животное, дающее масло 1; всего – 2	сметана 1
1.12 питается травой 1; травоядное 1; всего – 2	трава 4; сено 1; всего – 5
1.13 жующая жвачку 1; животное жвачное 1; всего – 2	–
1.14 животное, которое является священным в Индии 1; у некоторых народов Индии является сакральным животным 1; всего – 2	Индия 1
1.15 женская особь быка 1	бык 1
1.16 животное с четырьмя ногами по углам 1	–
1.17 больших размеров с рогами, различной окраски 1	пятна 1; хвост и пятна 1; всего – 2
1.18 глупая 1	–
1.19 домашний крупный рогатый скот, дающий молоко, мясо, кожу 1	–
1.20 живое существо 1	–
1.21 здоровье 1	здоровье 1
1.22 корова 1	корова 1;
1.23 обеспечитель 1	–
1.24 рога, мясо, 7 ведр крови и веселые глаза 1	–
1.25 парнокопытное животное с рогами и выменем 1	вымя 1
1.26 продуктивное домашнее животное 1	–
1.27 самка крупного рогатого скота 1	–
Ассоциации, по значению не соотносимые с толкованиями	
толстая 5; жирная 1; деревня 3; мычит 2; мычание 1; теленок 2; балда 1; Буренка 1; волоокая 1; враг 1; детство 1; доброта 1; колокольчик 1; коровник 1; плохая девушка (иногда жена) 1; толстая девушка 1; толстая, которая не может похудеть 1; стадо 1; плетка 1; реклама шоколада «Милка» 1; пастух 1; хвост и пятна 1.	

В толкованиях слова *корова* носителями русского языка можно выделить следующие семы: «животное» (64); «дающее молоко» (52); «домашнее» (36); «дающее мясо» (15); «крупное» (11); «парнокопытное» (11); «с рогами» (4); «сельское хозяйство» (4); «кормилица» (3); «пасется на лугу» (3); «травоядное» (2); «жвачное» (2); «из коровьего молока изготавливают сыр, творог, масло» (2); «священное животное в Индии» (2).

В обыденных толкованиях на уровне индивидуальных личностных смыслов встречаются такие семы, как «женская особь быка», «дающая кожу», «живое существо», «с выменем».

В ассоциативных реакциях также можно выделить следующие семантические признаки: «продукты, получаемые от животного» (*молоко* 64, *дающая молоко* 1 – 65); «название тела животного, части тела, продукта жизнедеятельности» (*рога* 6, *пятна* 2, *рогатая* 1, *хвост* 1, *вымя* 1 – 11); «эмоциональное отношение к животному» (*кормилица* 2, *волоокая* 1, *доброта* 1, *детство* 1, *враг* 1, *балда* 1, *Буренка* 1 – 8); «корм для животного» (*травя* 4, *сено* 1 – 5); «характерный признак, качество» (*крупная* 1, *большая* 1, *крупный рогатый скот* 1 – 3); «место обитания» (*луг* 1, *пастбище* 1 – 2).

Сопоставительный анализ языковых данных, полученных в эксперименте, свидетельствует о том, что в центре языкового сознания русской языковой личности со словом соотносится утилитарный компонент, выражающий

прагматическое отношение человека к денотату, например: корова – это животное, дающее молоко и мясо. Квантитативная мощность данного компонента обеспечивается 67 рецептивными реакциями и 65 ассоциативными реакциями, всего – 132).

В зону пересечения рецептивного и ассоциативного полей слова включается также энциклопедический компонент, который объединяет признаки, требующие знакомства с предметом на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом. Пересекающимися являются следующие семантические группы: «название тела животного, части тела, продукта жизнедеятельности» (квантитативная мощность: 4 и 11; всего 15 реакций); «характерный признак, качество» (квантитативная мощность – 11 и 3; всего 14 реакций); «место обитания» (всего 5 (3 и 2) реакций).

В зону расхождения между двумя типами полей включаются следующие компоненты: в рецептивное поле (поле толкования) включаются понятийные признаки, выражающие наиболее существенные квалификативные признаки данного животного, получившие отражение в словарном толковании слова. К их числу относятся следующие: «животное» (53), домашнее (33), «парнокопытное» (11), «жвачное» (2); всего – 99 реакций.

В ассоциативном поле представлен оценочный компонент, объединяющий когнитивные признаки, выражающие отношение говорящего к денотату. Это могут быть как аксиологические, так и характеризующие оценки (квантитативная мощность – 8 реакций). Кроме того, в ассоциативном поле слова содержатся реакции, относящиеся к социально-культурному компоненту, в котором объединяются когнитивные признаки, связанные с бытом и культурой народа, с традициями, деятелями культуры и искусства, их произведениями (*Буренка* 1, *реклама шоколада «Милка»* 1, *детство* 1, *деревня* 3, *колокольчик* 1; всего – 5).

Кроме того, в ассоциативном поле слова содержатся ассоциации, связанные с переносным значением слова (*толстая* 5, *толстая девушка* 2, *жирная* 1, *плохая девушка (иногда жена)* 1, *толстая, которая не может похудеть* 1; всего 10).

Таким образом, обыденные метаязыковые дефиниции и ассоциативные поля анализируемого слова имеют как зону пересечения, так и зону расхождения (контраста), определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания. Следует отметить, что данный вывод согласуется с результатами исследований о соотношении обыденных толкований и ассоциативных полей слов, выполненных на другом языковом материале [12, 18].

Проанализируем интерпретационное поле, образованное обыденными толкованиями ассоциациями на слово *үнээ*, в языковом сознании монгольской языковой личности (табл. 2). В данной таблице после толкования на монгольском языке в скобках приводится русский подстрочный перевод.

Таблица 2. Обыденное толкование и ассоциации на слово «үнээ» носителями монгольского языка

Метатексты (с подстрочниками на русском языке), сгруппированные по содержанию	Ассоциации
1	2
<p>1.1. Мал 5 (скот); Бод мал 2 (крупнорогатый скот); Таван хошуу малын нэг, бод мал 2 (один из пяти видов домашних животных, крупный рогатый скот); Таван хошуу малын нэг, эм үхэр 1 (один из пяти видов домашних животных, самка крупного рогатого скота); Үхрийн эмийг нэрлэдэг, урт нарийхан сүүлтэй 1 (называет самку крупного рогатого скота, с длинным тонким хвостом); Эм үхэр сүүгээр нь цагаан идээ хийдэг 1 (самка крупного рогатого скота, делают молочные продукты из ее молока); Эм үхэр 1 (самка коровы); Үнээ бол эм үхэр 1 (корова – это самка крупнорогатого скота); Саах бод мал 1 (доить, крупный рогатый скот); Сүү, бод мал 1 (молоко, крупный рогатый скот); всего – 21</p>	<p>Бод мал (Бод) 5 (крупный рогатый скот), Мал 4 (животное), Үнээ нь бод мал 1 (корова – это крупный рогатый скот), Бод малын нэг үнээ 1 (корова – одно из крупных рогатых парнокопытных животных); всего – 11</p>
<p>1.2 Сүү 3 (молоко); Сүү, тараг 1 (молоко, кефир); Үнээний сүү 1 (молоко коровы); Цагаан идээ 1 (молочный продукт); Сүү их өгдөг үхэр 1 (корова, дающая большое молоко); Саадаг, сүүтэй 1 (доят, молочный); Саах, цэвэр сүү 1 (доить, натуральное молоко); Сүү гаргах 1 (дать молоко); Хүмүүст цагаан идээ өгдөг 1 (даёт людям молочный продукт); Сүү, бяслаг, мах 1 (молоко, сыр, мясо); Удаан, хойрго, сүү 1 (медлительный и ленивый, молоко); Эм үхэр сүүгээр нь цагаан идээ хийдэг 1 (самка крупного рогатого скота, делают молочные продукты из ее молока); Сүү өгдөг 1 (даёт молоко); Хүмүүсийг сүүгээрээ хооллодог 1 (кормит людей молоком); Сүү, бод мал 1 (молоко, крупный рогатый скот); Эх хүний сүү, хайр 1 (мамино молоко, любовь); Сүүний үйлдвэр 1 (завод молока); Хүмүүсийг сүүгээрээ хооллодог 1 (кормит людей молоком); всего – 20</p>	<p>Сүү 19 (молоко), Сүү сааль 2 (молоко, удой), Сүү тараг 2 (молоко, творог), Сүүтэй 2 (молочный), Цагаан идээ 1 (молочные продукты), Их сүүтэй 1 (с обильным молоком), Сүү өгдөг 1 (даёт молоко), Сүү өгдөг 1 (даёт молоко), Их сүүтэй 1 (очень молочный), Хүмүүст хамгийн их сүүгээ өгдөг амьтан 1 (дающее молоко больше всех людям); всего – 31</p>
<p>1.3 Саах 3 (доить); Саалийн үхэр 3 (дойная корова); Айлын саадаг малын нэг төрөл 1 (один вид дойного скота людей); Үнээ саах 1 (доить корову); Саадаг, сүүтэй 1 (доят, молочный); Саах, цэвэр сүү 1 (доить, натуральное молоко); Саах бод мал 1 (доить, крупный рогатый скот); Сүү гаргадаг үнээг сааж сүү авдаг 1 (даёт молоко, получают молоко, доя корову); всего – 12</p>	<p>Саах 9 (доить), Саадаг 1 (доит), Үнээ саах 1 (доить корову), Саав 1 (доил); всего – 12</p>
<p>1.4 Хүнд хэрэгтэй юмыг өгдөг 1 (даёт полезные вещи человеку); Эзэндээ ээлтэй үр шимээ өгдөг 1 (приносящее хозяину счастье и даёт полезные вещи); Тал талын ашигтай 1 (всестороннее полезное); Том, шим тэжээл нь сайн 1 (большое и хорошая питательность); Өгөөжтэй 1 (полезная); Сүү нь илүү ашиг тустай ба үнээ чухал үүрэгтэй 1 ([е]е) молоко очень полезное, и корова выполняет важную роль (в жизни человека); Үр шимтэй амьтан гэсэн утгатай байх. Бүх зүйлийг нь хаялгүй ашигладаг учираас 1 (может быть, обозначает полезное животное. потому что все предметы используем, не выкидывая); Ашиг шимтэй мал 1 (полезный скот); Сүү нь илүү ашиг тустай ба үнээ чухал үүрэгтэй 1 ([е]е) молоко очень полезное, и корова выполняет важную роль [в жизни человека]; Үр шимтэй амьтан гэсэн утгатай байх. Бүх зүйлийг нь хаялгүй ашигладаг учираас 1 (может быть, обозначает полезное животное, потому что, все предметы используем, не выкидывая); Сүү мах ихтэй чанартай амьтань 1 (качественное животное, имеющее много мяса и молоко); всего – 12</p>	<p>–</p>
<p>1.5 Таван хошуу малын нэг 4 (один из пяти видов домашних животных); Таван хошуу мал 2 (пять видов домашних животных); Таван хошуу малын нэг, бод мал 2 (один из пяти видов домашних животных, крупный рогатый скот); Ашиг шимтэй мал 1 (полезный скот); Таван хошуу малын нэг, эм үхэр 1 (один из пяти видов домашних животных, самка крупного рогатого скота); всего – 10</p>	<p>–</p>

Продолжение табл. 2

1	2
1.6 Удаан 2 (медленный); <i>Удаан, хойрго</i> , сүү 1 (<i>медлительный и ленивый</i> , молоко); <i>Удаан хөдөлгөөн</i> амьтан 1 (животное с <i>медленным движением</i>); тайван 1 (медленный и спокойный); всего – 5	Номхон 1 (спокойный), Тайван 2 (тихий); всего – 3
1.7 <i>Эвэрлэг</i> 1 (рогатая); <i>Эвэр сүүл</i> 1 (рога и хвост); Дөрвөн хөлтэй <i>эвэртэй</i> амьтанг үнээ гэнэ 1 (животное, которое имеет четыре ноги и <i>рога</i> , называется коровой); <i>Эвэртэй</i> 1 (рогатое); Үхрийн эмийг нэрлэдэг, <i>урт нарийхан сүүлтэй</i> 1 (называет самку крупного рогатого скота, с <i>длинным тонким хвостом</i>); всего – 5	Урт сүүлтэй 1 (с длинным хвостом), <i>Эвэр</i> 1 (рога), всего – 2
1.8 Элэгсэг 1 (доброжелательный); Хөөрхөн 1 (милый); Эзэндээ <i>ээлтэй</i> амьтан 1 (животное, <i>приносящее</i> хозяину <i>счастье</i>); Эзэндээ <i>ээлтэй</i> үр шимээ өгдөг 1 (<i>приносящее</i> хозяину <i>счастье</i> и дает полезные вещи); всего – 4	Малын дундаас хамгийн сайхан нь 2 (самое красивое из животных); всего – 2
1.9 Сүү, бяслаг, <i>мах</i> 1 (молоко, сыр, <i>мясо</i>); Махыг нь зардаг 1 (продают ее мясо); Сүү <i>мах</i> ихтэй чанартай амьтань 1 (качественное животное, имеющее много <i>мяса</i> и молока); всего – 3	Мах 1 (мясо)
1.10 Мөөрөх 1 (мычать); Мөөрдөг 1 (мычит); всего – 2	Мөөрөх 1 (мычать), Мөөрнө 1 (мычит); всего – 7
1.11 Сүүгээр нь элгэн тараг бүрхэд их амттай 1 (приготовить из молочка [коровы] простоквашу, получается очень вкусно);	–
1.12 Тугал 1 (теленка);	Тугал 8 (теленка), <i>Тугал</i> хөхүүлэх 2 (кормит <i>теленка</i>), <i>Тугал</i> гаргадаг 1 (заводит <i>теленка</i>), Тугаллах 1 (телиться); всего – 12
1.13 <i>Том</i> , шим тэжээл нь сайн 1 (<i>большое</i> и хорошая питательность);	–
1.14 <i>Дөрвөн хөлтэй</i> эвэртэй амьтанг үнээ гэнэ 1 (животное, которое имеет <i>четыре ноги</i> и рога, называется коровой);	–
1.15 Үрчийхгүй, ярвайхгүй бол үнээний магнай шиг болно 1 (если не хмуришься или не морщишься, будешь как лоб коровы);	–
1.16 Том гэдэс 1 (большой живот);	Тарган 2 (упитанный), Будүүн 1 (толстый); всего – 3
1.17 Эх хүний сүү, <i>хайр</i> 1 (мамино молоко, <i>любовь</i>);	–
1.18 Салаа туурайтан 1 (парнокопытное);	–
1.19 Улаан шар 1 (оранжевый); Өнгө 1 (цвет);	–
1.20 <i>Залхуу</i> амьтан 1 (<i>ленивое</i> животное);	–
1.21 Хангай ихэвчлэн амьдардаг 1 (обычно живут в гористой и лесистой местности);	–
Ассоциации, по значению не соотносимые с толкованиями	
Үхэр 6 (бык), Сарлаг 4 (як), Бух 2 (бык производитель); всего – 12; 4 хөхтэй 2 (с 4 сосками), Дэлэн 1 (вымя); всего – 6; Чоно 1 (волк), Ямаа 1 (коза); всего – 2;	
Үхэр тэргээр туулай гүйцэх 1, Үхэргүй хүн намрын цагт гутамшиг 1 (стыдно человеку осенью, у которого нет коровы), Сааж байгаа үхэр мэт 1 (как дойная корова); всего – 3;	
Ферм 1 (ферма); Үнэр 1 (запах); Өвс 1 (сено); Хуцах 1 (лаять); Ам 1 (рот); Эх хүн 1 (мать); Сандал 1 (табуретка); Зэл 1 (протянутая волосая веревка для привязывания телят и жеребят)	

Ядро интерпретационного поля слова составляют метаязыковые дефиниции и ассоциации, относящиеся к утилитарному компоненту семантики: «дающая молоко», квантитативная мощность которого составляет 51 реакцию (20 рецептивных реакций и 31 ассоциативная реакция). В зоне пересечения рецептивного и ассоциативного полей содержатся также фрагменты энциклопедического компонента: «действие человека, связанного с животным»,

«доить»: всего – 24 реакции (12 и 12); «характерный признак, качество» (спокойный, тихий, медлительный, упитанный, толстый): всего 11 реакций (6 и 5); «название тела животного, части тела, органа, продукта жизнедеятельности» (рога, хвост): всего 7 реакций (5 и 2); «исконная или приобретенная функция (мычать): всего 9 реакций (2 и 7); «названия самок, самцов, детенышей» (теленки): всего 9 реакций (1 и 8). На пересечении полей находится также оценочный компонент (красивое животное, приносящее счастье): всего 6 реакций (4 и 2).

В зону расхождения в области обыденных толкований включаются классификационный компонент «один из пяти видов домашних животных» (10 реакций) и утилитарный компонент «полезное животное» (12 реакций). К числу ассоциаций, не совпадающих по значению с обыденными толкованиями, относятся «названия самок, самцов, детенышей» (12 реакций); «названия других животных» (всего 2), а также ассоциации, образующие социально-культурный компонент (3 реакции).

Сопоставительный анализ интерпретационных полей слов *корова* и *унээ* в языковом сознании русской и монгольской языковой личности позволяет сделать следующие выводы:

1. Русская и монгольская языковые картины мира имеют зоны пересечения и расхождения. При анализе обыденных толкований, входящих в состав интерпретационных полей, были выявлены следующие пересекающиеся семантические зоны (количественные показатели отражают абсолютное количество реакций в русском и монгольском материале соответственно): «крупный рогатый скот» (11 и 31); «дает молоко» (52 и 20); «с рогами» (4 и 5); «животное, которое выращивают для получения мяса» (15 и 3); «парнокопытное» (11 и 1).

2. Различающимися признаками на уровне обыденных толкований являются: у русских – «животное» (64); «домашнее» (36); «разводится в сельском хозяйстве» (4); «пасется на лугу» (3); «животное, из молока которого делают сыр, творог» (2); «травоядное» (2); «жвачное» (2); «животное, которое является священным в Индии» (2); у монголов – «разновидность дойного скота» (12); «полезное животное» (12); «спокойное и медлительное животное» (5); «животное, приносящее хозяину счастье» (4); «мычит» (2); «из молока которого получают вкусную простоквашу» (1), «с большим животом» (1); «ленивое» (1).

3. Как видно, в центре языкового сознания русской и монгольской языковой личности находятся когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение человека к данному животному: «животное, которое выращивают с целью получения молока и мяса». Значимым также является понятийный признак квалифицирующего типа, включающий животное в класс объектов – «крупный рогатый скот».

В обыденных толкованиях носителей русского языка, не пересекающихся с обыденными толкованиями на монгольском языке, преобладают признаки квалифицирующего характера, а в толкованиях монгольского языка – семантические признаки, характеризующие животных по врожденным или приобретенным качествам, свойствам и функциям, а также признаки, передающие эмоционально-оценочное отношение к животному.

4. При сопоставлении ассоциативных полей слов *корова* и *унээ* в языковом сознании русской и монгольской языковой личности также были обнаружены зоны пересечения и расхождения. Совпадающими оказались ассоциации, относящиеся к таким сферам референции, как «молоко» (65 и 31); «крупный рогатый скот» (3 и 11); «с рогами» (6 и 1); «с выменем» (1 и 6); «бык» (1 и 12); теленок (2 и 12); «трава, сено» (5 и 1); «характерная функция» (3 и 7).

5. К несовпадающим ассоциациям в русском языке относятся ассоциации, связанные со следующими семантическими признаками: «изделия из молока» (сметана 1); «места обитания» (деревня 3, коровник 1, луг 1, пастбище 1); «название тела животного или его части» (вымя 1); «характерное качество или свойство» (волоокая 1, доброта 1); «артефакты, связанные с животным» (колокольчик 1, плетка 1); «название совокупности животных» (стадо 1); «эмоциональное, оценочное отношение к животному» (здоровье 1, детство 1; кормилица 2); «культурные ассоциации» (Буренка 1, реклама шоколада «Милка» 1); «человек по отношению к животному» (пастух 1).

В монгольском ассоциативном материале к таким несовпадающим ассоциациям относятся следующие: «характерное качество или свойство» (тарган 2 (упитанный), бүдүүн 1 (толстый); номхон 1 (спокойный), тайван 2 (тихий)); «названия других животных» (чоно 1 (волк), ямаа 1 (коза)); «артефакты, связанные с животным» (сандал 1 (табуретка); ээл 1 (протянутая волосная веревка для привязывания телят и жеребят)); «место обитания животного» (ферм 1 (ферма)); «оценка животного» (малын дундаас хамгийн сайхан нь 2 (самое красивое животное); «культурные ассоциации» (Үхэргүй хүн намрын цагт гутамшиг 1 (стыдно человеку осенью, у которого нет коровы), Сааж байгаа үхэр мэт 1 (как дойная корова).

Таким образом, в построении данного фрагмента русской и монгольской национальных языковых картин мира участвуют все компоненты языкового сознания, но роль каждого из них в формировании национальной специфики данного семантического континуума у того и у другого народов неодинакова. При формировании национальных языковых картин мира в их ассоциативном измерении большое значение имеет сенсорно-рецептивный компонент, под влиянием которого образуются когнитивные признаки, объединяющиеся в энциклопедический и утилитарный компоненты ассоциативных полей.

Доля когнитивных признаков в составе эмоционально-оценочного и социально-культурного компонентов ассоциативных полей, формирующихся под влиянием эмоционально-оценочного и нравственно-ценностного компонентов сознания, по сравнению с энциклопедическим и утилитарным компонентами невелика, однако именно они относятся к числу компонентов, определяющих «лицо» национального мировидения. Больше всего неповторимость фрагмента национальной языковой картины мира, обозначающего домашних животных, в национальном семантическом универсуме определяется работой именно этих компонентов. Различия могут быть связаны с характером самой оценки. Так, в ассоциативном поле слова «унээ» положительная оценка коровы связана в большей степени со зрительным восприятием животного: малын дундаас хамгийн сайхан нь 2 (самое красивое животное). А в ассоциативном поле слова «корова» в русской национальной картине мира

преобладают реакции, связанные с характеристикой психологического опыта общения с животным: здоровье, детство; кормилица; доброта.

Наряду с нормативными компонентами самыми многочисленными в ассоциативных полях слов в русской и монгольской национальных картинах мира являются энциклопедические компоненты. При этом для двух языковых картин мира характерно несовпадение объемов значений слов, обозначающих одно животное (например, больший вес энциклопедического компонента у слова «үнээ») (44,1%) по сравнению со словом «корова» (28,7%). Различна также степень дифференциации значений одноименных слов. Например, в ассоциативном поле слова «үнээ» содержится 28 различных энциклопедических реакций, а в ассоциативном поле «корова» – 23 реакции.

Энциклопедические компоненты ассоциативных полей слов двух различных национальных картин мира имеют зоны тождества, которые образуются совпадающими реакциями, и зоны контраста с различающимися реакциями. Приведем пример фрагментов ассоциативных полей слов «корова» и «үнээ», в которых совпадающие реакции выделены подчеркиванием: рога 5, трава 4, деревня 3, мычит 2, теленок 2, Буренка, волоокая 1, вымя 1, детство 1, колокольчик 1, коровник 1, луг 1, Индия 1, мычание 1, сено 1, сметана 1, стадо 1, пятна 1, плетка 1, рогатая 1, пастбище 1, пастух 1, хвост и пятна 1;

4 хөхтэй 2 (с 4 сосками), урт сүүлтэй 1 (с длинным хвостом), тугал хөхүүлэх 2 (кормит теленка), эвэр 1 (рога), ам 1 (рот), дэлэн 1 (вымя), тарган 2 (упитанный), бүдүүн 1 (толстый), номхон 1 (спокойный), тайван 1 (тихий), тугал гаргадаг 1 (заводит теленка), тугаллах 1 (телиться), мөөрөх 1 (мычать), хуцах 1 (лаять), мөөрнө 1 (мычит), ферм 1 (ферма), өвс 1 (сено), тугал 8 (теленок), бух 2 (бык-производитель), үхэр 6 (бык), сарлаг 4 (як), чоно 1 (волк), ямаа 1 (коза), үнэр 1 (запах), сандал 1 (табуретка), зэл 1 (протянутая волосяная веревка для привязывания телят и жеребят).

Как видно из сопоставительного анализа, тождественными являются 8 реакций, а различающимися – 15 и 18 реакций соответственно. К совпадающим ассоциациям на слова «корова» и «үнээ» в двух лингвокультурах относятся слова, обозначающие яркие внешние признаки животного (рога, вымя, хвост, урт сүүлтэй, эвэр, дэлэн), особенности его поведения (мычать, мөөрнө), кормления и содержания (сено, коровник, ферм, өвс). Различающиеся ассоциации в русской национальной ЯКМ связаны с местом и оседлым характером содержания животного (деревня, пастбище, пастух, трава, колокольчик, плетка, луг), с возрастом человека (детство), с культурными артефактами (Индия, Буренка, волоокая); в монгольской национальной ЯКМ – с характерными свойствами животного (номхон, тугал хөхүүлэх, тайван, тарган); с плодородием (тугал хөхүүлэх, тугал гаргадаг, тугаллах, бух, зэл).

Еще раз подчеркнем, что наиболее близкими в содержательном отношении являются утилитарные компоненты различных национальных языковых картин мира. Совпадение реакций, входящих в состав данных компонентов, во многом связано с совпадением прагматического отношения людей к домашним животным в обеих национальных культурах.

Литература

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Значение языка как предмета изучения // Избранные труды по общему языкознанию / отв. ред. С.Г. Бархударов. Т. 2. М., 1963.
3. Морковкин В.В. Язык как проводник и носитель знания / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина // Русский язык за рубежом. 1997. № 1–2. С. 44–53.
4. Касевич В.Б. Буддизм: Картина мира. Язык. 2-е изд. СПб., 2004. 281 с.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 428 с.
6. Стернин И.А. Значение и концепт: сходства и различия // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: сб. статей. М., 2006. 544 с.
7. Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопр. лексикографии. 2013. № 2(4). С. 48–64.
8. Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопр. психолингвистики. 2010. №12. С. 57–63.
9. Стернин И.А. Проблемы сознания психолингвистического толкового словаря русского языка / И.А. Стернин, А.В. Рудакова // Вопр. психолингвистики. 2012. № 16. С. 174–183.
10. Голев Н.Д. Лексикографические аспекты изучения обыденного метаязыкового сознания: (Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыт реализации) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3 / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово, 2010. С. 158–192.
11. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А–М (АБ-РИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева; авт.-сост. М.Ю. Басалаева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев [и др.]. Кемерово, 2012. 536 с.
12. Воробьева М.Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 24 с.
13. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. 800 с.
14. Голикова Т.А. Алтайско-русский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сөзлик). М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004. 380 с.
15. Голев Н.Д., Ким Л.Г., Стеванович С.В. Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий // Русин. 2015. № 3 (41). С. 39–54.
16. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. М., 2002. 784 с.
17. Верецагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1976. 248 с.
18. Ерофеева Е.В. Соотношение обыденных толкований и ассоциативных полей слов // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4 / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово, 2012. С. 64–74.

NATIONAL LINGUISTIC WORLD IMAGE AS A COMPONENT OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF A RUSSIAN AND MONGOLIAN LANGUAGE PERSONALITY (A COMPARATIVE ASPECT)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 1(39), pp. 80–95. DOI: 10.17223/19986645/39/7
Shkurovatskaya Marina G., Davaa Undarmaa, Shukshin Altai State Academy of Education (Biysk, Russian Federation). E-mail: marina-shkuropac@mail.ru / undaraa_0720@yahoo.com

Keywords: national linguistic world image, linguistic consciousness, Russian language personality, Mongolian language personality, thematic group “domestic animals”, linguistic experiment.

The article presents the results of a comparative analysis of two national linguistic world images reflecting representations of the world of native speakers of the Russian and Mongolian languages. The

national linguistic world image is seen as a linguo-mental component of the linguistic consciousness of native speakers.

The purpose of the research is achieved by surveying native speakers of Russian and Mongolian (100 people from each ethnic group) with a further description of the material: associative fields and ordinary interpretations of words of the thematic group “domestic animals”. As an illustration, a comparative analysis of two words, Russian “korova” [cow] and Mongolian “unee” [cow] is made.

We obtained the following main results of the comparative study of the ordinary interpretations of the words: 1. Russian and Mongolian linguistic world images in this part of the language system have areas of intersection and divergence. 2. In the center of the linguistic consciousness of Russian and Mongolian language personalities are cognitive features expressing the utilitarian attitude of man to animal. Conceptual features of qualifying nature are also significant. 3. Russian and Mongolian linguistic world images differ in the features that characterize the animal’s innate or acquired qualities, properties, functions. They also differ in the characteristics conveying the emotional attitude of man to the animal.

We also found areas of intersection and divergence in associative fields. The intersection areas are associations related to such areas of reference as “milk”, “cattle”, “horns”, “characteristic function”. Divergence in associations is related to the following areas of reference: in Russian: “habitat”, “characteristic features, properties”, “artifacts associated with the animal”, “emotional-evaluative attitude to the animal”; in Mongolian: “names of other animals”, “evaluation of the animal”, “associations connected with national culture”.

Thus, the construction of this fragment of the Russian and Mongolian national linguistic world images involves all components of ordinary linguistic consciousness, but the role of each of them in the formation of the national worldview is not the same.

The sensory-receptive component of consciousness has a greater influence on the formation of the national linguistic world image. Under the influence of this component cognitive features are formed uniting the encyclopedic and utilitarian components of the associative fields and interpretations of words in both languages.

There are a few cognitive features of emotional-evaluative and socio-cultural components in the structure of the associative fields, and in the ordinary interpretations of the words. However, they are among the components that determine the uniqueness of the national linguocultures.

References

1. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives national mentalities]. 2nd ed. Moscow: CheRo.
2. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Znachenie yazyka kak predmeta izucheniya* [The value of language as a subject of study]. In: Barkhudarov, S.G. (ed.) *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
3. Morkovkin, V.V. & Morkovkina, A.V. (1997) *Yazyk kak provodnik i nositel' znaniya* [Language as a conductor and carrier of knowledge]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1–2. pp. 44–53.
4. Kasevich, V.B. (2004) *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. Picture of the world. Language]. 2nd ed. St. Petersburg.
5. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
6. Sternin, I.A. (2006) *Znachenie i kontsept: skhodstva i razlichiya* [The meaning and concept: similarities and differences]. In: *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira. K 70-letiyu chl.-korr. RAN Yuriya Nikolaevicha Karaulova: Sb. Statey* [Language personality: text, dictionary, image of the world. On the 70th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Yu.N. Karaulov: Coll. Articles]. Moscow: People's Friendship University of Russia.
7. Golev, N.D. (2013) *The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words: the conception and the experience of its implementing. Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*. 2(4). pp. 48–64. (In Russian).
8. Sternin, I.A. (2010) *To the development of psycholinguistic explanatory dictionary. Voprosy psikholingvistiki*. 12. pp. 57–63. (In Russian).
9. Sternin, I.A. & Rudakova, A.V. (2012) *Problemy sozdaniya psikholingvisticheskogo tolkovogo slovary russkogo yazyka* [Problems of development a psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language]. *Voprosy psikholingvistiki*. 16. pp. 174–183.
10. Golev, N.D. (2010) *Leksikograficheskie aspekty izucheniya obydenogo metazykovogo*

soznaniya (Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov: kontsepsiya, proekt, opyt realizatsii) [Lexicographic aspects of studying everyday metalinguistic consciousness (The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words: conception, project, implementation experience)]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Vol. 3. Kemerovo: Kemerovo State University.

11. Golev, N.D. (ed.) (2012) *Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov. Leksika prirody: v 2 t.* [The Dictionary of the Common Interpretation of Russian Words: in 2 vols]. Vol. 1. Kemerovo: Kemerovo State University.

12. Vorob'eva, M.E. (2014) *Interpretatsionnoe funkcionirovanie yuridicheskogo yazyka v obydennom soznanii (na materiale tolkovaniy yuridicheskikh terminov ryadovymi nositeleyami russkogo yazyka)* [Interpretive functioning of legal language in everyday consciousness (based on the interpretation of legal terms by ordinary native speakers of Russian)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

13. Ufimtseva, N.V. et al. (2004) *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': russkiy, beloruskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

14. Golikova, T.A. (2004) *Altaysko-russkiy assotsiativnyy slovar'* [Altai-Russian Associative Dictionary]. Moscow: OLSIB.

15. Golev, N.D., Kim, L.G. & Stevanovich, S.V. (2015) A Multilingual Dictionary as a Reflection of Slavic Mental-Linguistic Unity and Cross Cultural Differences. *Rusin.* 3 (41). pp. 39–54. (In Russian).

16. Karaulov, Yu.N. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti* [Russian associative dictionary as a new linguistic source and analysis tool of language ability]. In: Karaulov, Yu.N. et al. *Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t.* [Russian associative dictionary. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: AST-Astrel'.

17. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1976) *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: MGPIYa.

18. Erofeeva, E.V. (2012) *Sootnoshenie obydennykh tolkovaniy i assotsiativnykh poley slov* [The ratio of ordinary interpretations and associative fields of words]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Vol. 4. Kemerovo: Kemerovo State University.